

Разиньков Михаил Егорович

Социально-политический диалог в центральных и южных регионах России в 1917 – 1918 гг.

1. Историография до сих пор изучала революционные события как череду конфликтов и постепенного движения страны к гражданской войне. Сюжеты о сотрудничестве, диалоге в ходе революции 1917 г. и начинающейся гражданской войне были дезинтегрированы и не составляли отдельного предмета исследования. В вышедшей недавно монографии (Разиньков М.Е., Воронеж, Морозова О.М., Ростов-на-Дону) изучены механизм, тенденции и региональные особенности развития социально-политического диалога в Центральном Черноземье, на Дону, Северном Кавказе (включая, Кубанскую область) и на Нижнем Поволжье.

2. Динамика диалогового процесса. Первые весенние месяцы оказывались временем всеобщих ожиданий, когда в социально-политической сфере происходили процессы интенсивной самоорганизации для осуществления чаяний, сформулированных в различных идеологиях и существовавших на уровне обыденного сознания. В тот момент различные социальные и политические силы были склонны идти на уступки. Летние месяцы можно условно обозначить, как время разочарований для привилегированных слоев общества (крупные землевладельцы, промышленники), и тех, кто оказался связан с процессами модернизации империи (например, отрубники). Революция довольно быстро показала, что в ее природе лежит насилие, однако весной и даже в начале лета большинство населения России, включая политических активистов, надеялось на избежание вооруженного насилия. Вспышки вооруженного насилия конца весны – лета 1917 г., замерцавшие на Северном Кавказе, превратились осенью этого же года в угрожающую ситуацию надвигающейся гражданской войны. Все это требовало новых решений, которые виделись в применении средств легитимного государственного насилия и переговоров. При этом можно с уверенностью сказать, что совокупность существовавших в обществе настроений, усилий отдельных людей, организаций привели к началу весны 1918 г. к угасанию импульсов гражданской войны. Разработанная факторная модель развития событий, начиная с марта 1917 и заканчивая сентябрем 1918 гг. показывает, что в динамике происходившего можно выделить, по крайней мере, семь этапов, каждый из которых отличался спецификой складывавшихся социально-политических взаимоотношений.

3. В дополнение к общей картине динамики развития событий в изученных регионах, можно добавить несколько важных наблюдений. а) применение организованной вооруженной силы до октябрьской революции, но и в первые месяцы после нее было ничем иным, как попытками купирования конфликтов для возвращения к мирному переговорному процессу или сохранения status quo. При этом угроза применения

вооруженного насилия и применение его – разные вещи, которые исследователи подчас путают, представляя, что уже летом 1917 г. (и даже весной) такое насилие применялось, скажем, по отношению к крестьянству.

б) Очевидное проседание общенационального проекта революции осенью 1917 г. привело к попыткам наладить мирный диалоговый процесс на региональном уровне, а также победе октябрьской альтернативы практически на всем пространстве изучаемого региона уже к февралю – марту 1918 г. При этом истории об изначальной жестокости большевистского режима в рамках изучаемых регионов находят очень ограниченное подтверждение, показывая, что на всякую силу почти всегда находилась противосила. Дальнейшее обрушение ситуации в изучаемых регионах оказалось связанным с весенне-летним наступлением стран Центрального блока, кадровым вопросом у большевиков, невозможностью решить накопившиеся проблемы «ко всеобщему удовольствию» и некоторыми другими факторами.

4. Диалог обеспечивался определенными идеологическими предпосылками, заключавшимися в близости политических установок социалистических партий, готовности либералов идти на программное сближение с установками социалистов. Свою роль сыграли наличие революционной контркультуры, архаика политической жизни в регионах, где все активисты друг друга знали, не спеша разрывать личные связи. Государственничество многих революционеров, религиозные проповеди, направленные на сохранение общенационального согласия, давали дополнительный ресурс для мирного решения проблем и переговоров. На разных уровнях политической пирамиды в ситуации нарастающего кризиса закономерно появлялись лидеры, чьей целью было упорядочить социальный хаос и урегулировать противостояние. Среди них могли быть идеалисты и прагматики, сторонники уступок и карьеристы, однако, весь этот корпус деятелей работал на возвращение общества в стабильное состояние.

5. В политическом диалоге не последнюю роль сыграла идея необходимости принятия решений путем соединенных усилий максимального количества революционных органов власти. Реализация такого механизма представлялось залогом справедливости и самым верным путем демократизации общества. Возможность участвовать в политическом процессе всем партиям и социальным силам, виделась источником социально-политического согласия на общенациональном и региональном уровне. Наиболее успешно эти идеи осуществлялись в Центральном Черноземье. В итоге и октябрьская революция здесь осуществлялась относительно мирно. Крестьянское большинство, солдаты запасных гарнизонов, рабочие, «варившиеся» какое-то время в общем революционном котле, получили от новой власти по максимуму. Группы, которые могли бы противостоять большевистскому режиму оказались маловлиятельными. Проблема для новоиспеченных властителей была лишь в том, что большинство населения и политических активистов устраивала и предыдущая власть, обещавшая примерно то же самое. Южные области – Северный Кавказ, Донская область, Нижнее Поволжье – давали куда как

более сложную картину социально-политических отношений. Присутствовавшее здесь казачество, горские и кочевые народы нарушали «революционное единство» социалистических доктрин: рабочие-крестьяне-солдаты. ЦК Союза горцев, казачьи правительства претендовали на политическое доминирование в рамках своего региона, сомневаясь в пользе демократии большинства и сотрудничества с другими революционными органами. Тем не менее, конечный политический выбор этих правительств оказывался в пользу коллегиального представительства, как на социальном, так и на политическом уровне.

б. Политический диалог в Черноземье уже с апреля – мая 1917 г. обеспечивался партийными организациями, что выразилось в партийном блокировании, создании многопартийных чрезвычайных органов и т.д. Такое интенсивное взаимодействие, равно как и крен влево, не проходили бесследно. Помимо отсутствия вооруженного сопротивления большевистскому режиму, они способствовали физическому выживанию участников социалистических партий в период начала гражданской войны, остаточной активности меньшевиков и эсеров в органах власти и профсоюзах, по меньшей мере, до 1919 – 1920 гг. Сходная ситуация наблюдалась в Нижнем Поволжье. В результате поисков компромиссов между левыми и правыми революционными силами, включая кадетов, летом 1917 г. многие важнейшие посты занимали представители не самых многочисленных, но откровенно «примиряющих» партий – энесов и меньшевиков. Одновременно, казачьи и национальные регионы и субрегионы давали иную картину взаимодействия. Казачье самоуправление на Дону стало мощным противовесом активизировавшимся эсеровским и меньшевистским организациям. При этом переговоры партий с казаками, в которых участвовали и съезжавшиеся на Дон кадеты, в некоторой степени блокировали откровенно сословную политику казачьего руководства. Они же выступали альтернативой попыткам левых радикалов взять верх в городском движении. Специфичные союзы давала политическая жизнь Северного Кавказа, где партийные структуры часто подменялись влиянием отдельных активистов, а также ЦК Союза горских народов. Социалисты здесь могли сотрудничать с шариатистами, а казачье правительство на Кубани – проводить левую политику. Понятно, что захвативший власть блок большевиков, левых эсеров, социал-демократов-интернационалистов, некоторых национальных партий и анархистов, был абсолютно не настроен сотрудничать ни с эсерами и меньшевиками, ни, тем более, с кадетами. Тем не менее, не всегда баланс сил в левом блоке был на стороне большевиков. Одно это заставляло договариваться. Партии левого блока давали кадры убежденных сторонников самых радикальных социалистических преобразований, позволяли получить поддержку в армейских массах, удовлетворяли кадровый голод. Все эти факторы обеспечивали активность левой коалиции практически весь 1918 год, даже после «официального» разрыва отношений большевиков с левыми эсерами и анархистами. Нежелание жестоко расправиться с бывшими союзниками по коалиции

приводило к мягким приговорам даже по отношению к откровенным мятежникам и диктаторам местного разлива. Особенно важно это было в южных регионах, где противостояние с самого начала приобрело более жесткий характер, нежели в Черноземье, и где партии большевиков не удавалось наберечь в свои организации значительное число сторонников.

7. Диалог 1917 – 1918 гг. не мог ограничиваться переговорами правительств, комитетов, комиссий и партий. Пришла в движение огромная масса населения бывшей Российской империи. Источниковый материал показывает те надежды, которые возлагало крестьянство на власть, многообразие контактов с властью и партиями, а также очевидные попытки наладить мирный диалог в формате частичных уступок крестьянским пожеланиям. При этом оказавшиеся у власти февральские революционеры, считая себя народными ставленниками, принципиально отказывались от применения насилия по отношению к аграрному движению. Создававшиеся земельные комитеты, волостные земства, комиссии и делегации с участием членов Советов были призваны решить аграрную проблему путем переговоров. Как показывает специальное исследование, проведенное по Центральному Черноземью, сохранению относительного спокойствия среди крестьян способствовали многочисленные объективные факторы, среди которых помещичье малоземелье играло существенную, но далеко не единственную роль. Надо сказать, что октябрьский режим первоначально удовлетворил все важнейшие крестьянские пожелания, обеспечив себе определенную социальную поддержку. Действия советской власти заместили в политическом сознании крестьянства эсеровскую программу. При этом власть настойчиво предлагала крестьянам коммунитарные формы организации хозяйства, пыталась опереться на комбеды и коммунистические ячейки. Крестьяне, в свою очередь, старались использовать эти организации и инициативы в своих нуждах, тем более, что коммуны хорошо финансировались государством. Одновременно на юге крестьянские надежды натолкнулись на противодействие органов казачьего самоуправления и интересы горских народов. Несмотря на чрезвычайно активный переговорный процесс, попытки создания объединенных правительств, многочисленные предложения и постановления 1917 – первой половины 1918 гг., решить вопросы о перераспределении войсковых земель на Дону и большей территории Северного Кавказа так и не удалось. Тем не менее, и здесь существовали факторы, объективно сдерживающие переход конфликта в масштабную гражданскую войну вплоть до лета – осени 1918 г. Среди них не последнюю роль играли рост благосостояния русского населения в предвоенное время, авторитет местных традиционных и военных элит, устоявшиеся отношения между различными сословиями и этническими группами. Иначе говоря, зажиточное население этих регионов, опираясь либо на традиционное влияние, либо на собственную многочисленность, могло постоять за свои права мирными методами, в т.ч. перед лицом экспериментов пока еще слабого коммунистического государства.

8. Другой активной стороной социально-политического диалога была армия. При всей очевидности этого понятия, оно оказалось размытым в силу того, что казачество представляло собой военное сословие занятое сельским хозяйством. В нашем случае армию представляли в 1917 г. почти исключительно запасные полки. Очевидно, что офицеры и солдаты приняли самое активное участие в революционном строительстве, одновременно, пытаясь «перезагрузить» отношения в самой армии. Несмотря на то, что отношения солдат с командованием постепенно смещались в сторону отчуждения, происходившее срастание солдат и младших офицеров в «комитетский класс» создавало ситуацию относительного взаимопонимания. При этом роль офицеров в званиях от подполковников до генералов в политическом процессе менялась не только с течением времени, но и в зависимости от региона. Если в Черноземье и на Нижнем Поволжье их влияние постепенно падало, то в национальных регионах Кавказа, казачьих областях (особенно – на Дону) офицеры среднего и высшего звена могли сохранять и даже усиливать свою роль в политике. Они не только входили в органы революционного управления, но и возглавляли их, пользуясь поддержкой влиятельных сословных верхушек, традиционных элит, крупных и даже мелких землевладельцев, религиозных активистов. Важно подчеркнуть, что неказачьи и ненациональные полки и подразделения в этих регионах воспроизводили картину взаимоотношений солдат, офицеров и власти во многом идентичную Черноземью и Нижнему Поволжью. Что касается политических настроений солдатской массы, то в ней наблюдалось не разочарование во Временном правительстве, а, скорее, рост радикализма, выразившийся в усилении симпатий к социалистическим проектам и проходивший параллельно с падением дисциплины на фоне антивоенных настроений. Прибытие фронтовиков (в т.ч. казаков) меняло ситуацию в пользу еще большего радикализма, обеспечивая первоначальную поддержку октябрьского режима во всех изучаемых регионах. В дальнейшем раскачивание ситуации в 1918 г. происходило со значительными трудностями, поскольку фронтовики, только что закончив воевать, не желали браться за оружие. Противники большевиков на юге долгое время контролировали лишь небольшие территории, будучи не в состоянии мобилизовать население под свои знамена.

9. Относительную умеренность демонстрировали рабочие изучаемых регионов. Влияние меньшевиков было здесь существенным, а в ряде крупных городов и доминирующим (например, в Ростове-на-Дону). Это же влияние выразилось в длительном сохранении позиций меньшевиков в профсоюзном движении, обеспечивавшем терпимость к ним большевистских и левоэсеровских деятелей. Тем не менее, партийность среди рабочих была невелика. Некоторые категории рабочих вообще избегали участия в партийной жизни. Рабочие относительно быстро самоорганизовывались для отстаивания своих прав, однако, малочисленность пролетариата делала Советы «рабочих» депутатов в реальности коалиционным со служащими, проявлявшими подчас куда как более серьезную активность. При этом

методы их борьбы в дооктябрьский период были исключительно мирными, а затяжные забастовки – редкими. Даже царцынские рабочие, борясь с отрядом А.В. Корвин-Круковского, не пошли на вооруженные действия, успешно применив тактику всеобщего неодобрения. Рабочая молодежь, пролетарии, находившиеся под угрозой потери работы или труд которых оплачивался ниже, чем бы им хотелось, составили (наряду с армией и крестьянами) основу социальной поддержки октябрьского переворота в Черноземье. Их действия были отчасти продиктованы второстепенной ролью в февральском революционном процессе и желанием изменить ситуацию в свою пользу. В дальнейшем сказывалось нежелание большинства рабочих обострять отношения теперь уже с октябрьской властью – недовольные либо боролись за свои права мирными методами, либо просто избегали конфликтов. Общеизвестно, что предпринимательские круги, равно как и землевладельцы, первоначально пытались идти на уступки рабочим. Отчасти они не могли на них не идти, поскольку уже Временное правительство решало проблемы с рабочим движением путем реквизиции предприятий. Пользуясь традиционным авторитетом среди уездного городского населения, предприниматели входили в состав органов управления, препятствуя росту радикализма. В дальнейшем они не гнушались обращаться за решением своих проблем в Советы. При этом практики решений ряда вопросов в пользу компромисса с предпринимателями фиксируется в решениях Советов не только в 1917, но и в 1918 г., когда большевистская власть хотела установить в регионах социально-политическое перемирие.

10. Процессы демократизации, коснувшиеся духовенства, означали не только усиление сотрудничества священнослужителей с мирянами, но и попытки взаимодействия с революционной властью. Священники приняли участие в ее формировании и были настроены на дальнейшее взаимодействие. При этом церковные иерархи занимали примирительную позицию в отношениях с любой властью, как февральской, так и октябрьской. В регионах южнее Черноземья религиозная обрядность продолжала сохраняться в оформлении властных ритуалов, придавая новой власти сакральную легитимность. Понятное ухудшение положения церкви после прихода к власти большевиков совсем не означало полного бессилия. Население, включая местных большевиков, продолжало оставаться верующим. В итоге духовенство сохраняло некоторые ресурсы влияния на власть, пытаясь организовать мирное сопротивление коммунистическим инициативам или даже мимикрировать под меняющуюся идеологическую ситуацию. Исключительно высокой оказалась роль мусульманского духовенства на Кавказе. Часть его направило значительные усилия на создание имамата, другая считала возможной сотрудничество с демократическими институтами Февраля. Религия и демократические ценности смыкались в идеологии общероссийского мусульманского движения. Однако даже нацеленное на построение имамата духовенство не решалось вступить в открытое противостояние с властью. В свою очередь, советские деятели в конце 1917 – 1918 гг. подчеркивали разграничение сфер

государственного и религиозного, терпимо относились к шариатским судам, а при случае даже опирались на мусульманское духовенство.

11. Несомненно, что на диалог в демократическом формате была настроена значительная часть интеллигенции. Относительно узкая прослойка интеллектуалов и профессионалов умственного труда играла, конечно, значительную роль в партийной системе. Однако интеллигенция осознавала себя еще и особой социальной силой, стремящейся отстаивать свои права. Голос организованной интеллигенции был достаточно громок в период февральского режима, а очевидная незаменимость лиц умственного труда в регионах позволяла интеллигентам претендовать на должности и при советской власти. Сотрудничая с эсерами, меньшевиками, а затем и большевиками, интеллигенты попытались приспособиться к новым политическим условиям. На определенных этапах «интеллигентные» партии (энесы, меньшевики, кадеты) могли стать центрами социальных коалиций, включавших как собственно интеллигентские организации, так и кооперативное движение, а через кадетов и какую-то часть предпринимателей, учащихся и проч. Эти коалиции пытались отстаивать право на демократию в ходе событий конца 1917 – начала 1918 гг., выступали примирителями в городских вооруженных конфликтах. Учитывая высокую степень участия интеллигенции в партийных организациях, нельзя считать доминирование интеллигентов в ЦК Союза горцев чем-то из ряда вон выходящим, специфичным для организации революционной власти. Тем не менее, она дает еще один повод подчеркнуть значительную роль этого социально-профессионального слоя, в т.ч. в формулировании идей национального самосознания. Судьба ЦК горцев указывает и на очевидную ограниченность влияния идей, продуцируемых умеренной интеллигенцией на широкие социальные слои. В этом смысле Союз горских народов повторил судьбу энесов, меньшевиков и кадетов.

12. Очевидно, что задачей современных исследований может стать не поиск правых и виноватых, безответственных и озверевших, а дальнейшее изучение вариантов мирного развития событий, возможностей преодоления глубоких общественных конфликтов хотя бы без кровопролитий и, возможно, без революций. Иначе говоря, работы, сосредотачивающиеся лишь на причинах и механизмах разрушений и конфликтов, фиксируют нас на них, в то время как положительных выводов (кроме как, малоэффективных призывов «не надо делать так больше») из подобного рода рассуждений извлечь сложно.